

ПОСЛЕДНЯЯ ПЛЕННИЦА

МАРК ВЕЛЬСКИЙ

18+

Марк Вельский

Последняя пленница

«Автор»

2026

Вельский М.

Последняя пленница / М. Вельский — «Автор», 2026

Нина приходит в себя в незнакомом доме посреди леса. Здесь живут ещё две женщины. Ольга провела в плену восемь месяцев. Тамара — почти шесть лет. Их похититель не повышает голоса. Он готовит завтраки, заботится о порядке и каждое воскресенье заставляет женщин голосовать за то, кто из них заслуживает наказания. Любое решение они обязаны назвать добровольным. Но по ночам за стенами кто-то стучит. Тамара знает больше, чем говорит. Ольга скрывает правду о неудачном побеге. А Нина постепенно понимает: в этом доме опасно доверять не только похитителю, но и тем, кто сидит с тобой за одним столом. Когда появляется возможность вырваться на свободу, выясняется, что самые страшные тайны хранят не стены дома, а люди, которым удалось выжить. «Последняя пленница» - мрачный психологический триллер о страхе, предательстве и поступках, которым невозможно найти оправдание.

© Вельский М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1. ЧУЖОЕ УТРО	7
ГЛАВА 2. ВОСКРЕСЕНЬЕ	17
ГЛАВА 3. ЧЕЛОВЕК ЗА ДВЕРЬЮ	26
ГЛАВА 4. ПИСЬМО ДЛЯ КАТИ	30
ГЛАВА 5. ТРИ ДНЯ ТИШИНЫ	34
ГЛАВА 6. ЧУЖОЙ АЛЬБОМ	37
ГЛАВА 7. ЦЕНА ТИШИНЫ	41
ГЛАВА 8. ОДНО СЛОВО	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Марк Вельский

Последняя пленница

Последняя пленница

Марк Вельский

ПРОЛОГ

Катя прочитала сообщение сестры, когда уже собиралась спать.

«Перезвоню через десять минут».

На кухне остывал чай. Нина задерживалась в типографии второй вечер подряд, а потом ещё собиралась в магазин: у кота закончился корм. Катя ответила сердитым значком. Передумала, стёрла и написала: «Ладно. Не усни за рулём».

Через двадцать минут она позвонила сама. Длинные гудки, потом предложение оставить сообщение.

— Нин, я ложусь. Завтра набери.

Катя поставила телефон на зарядку. Сестра часто не отвечала, когда тащила пакеты или искала место для машины. Можно было лечь и утром опять поругаться из-за того, что нельзя просто взять трубку.

Она выключила свет. Лежала, прислушиваясь к шуму за окном. Потом взяла телефон и позвонила ещё раз.

Нина не ответила.

Катя нашла в переписке фотографию — вчерашнюю, из цеха. Сестра стояла возле резака, держала в руке испорченный лист и показывала язык тому, кто снимал. Катя увеличила лицо. Снова набрала номер.

В час ночи она уже была у сестрино дома. Машина Нины на стоянке не появилась. В окне квартиры было темно. Катя поднялась, открыла своим запасным ключом. Кот немедленно выскочил в прихожую, тёрся о ноги и требовал есть.

На кухне лежала пустая упаковка корма.

Катя насыпала остатки из банки, осмотрела ванную, балкон. Вернулась к входной двери и закрыла её. В квартире всё было как обычно: кружка у раковины, бельё на сушилке, рабочая кофта на стуле. Нина не вернулась только из магазина.

Катя села прямо в куртке и нашла в телефоне номер коллеги, которого сестра когда-то просила встретить с заказом.

— Извини, что ночью. Она давно уехала?

Коллега проснулся не сразу. Потом сказал, что они закрыли цех ещё до полуночи. Нина поехала домой одна.

Суббота, семнадцатое октября. Последнее сообщение так и оставалось последним.

Катя ещё раз позвонила сестре. Не дождавшись ответа, набрала другой номер.

ГЛАВА 1. ЧУЖОЕ УТРО

В первые минуты после пробуждения Нина решила, что находится в больнице.

Здесь пахло чистым бельём и чем-то сладковато-лекарственным. Висела белая занавеска. В углу стояла тумбочка с графином воды и стаканом. Солнечный свет падал на половицу, в которой темнел аккуратнo заделанный сучок. Очень мирная комната. Даже обидно, насколько мирная.

Потом Нина увидела окно.

За стеклом был сад с голыми яблонями и высокой сетчатой оградой. По ту сторону ограды начинался лес. Между деревьями лежал туман. Ни машин, ни соседних домов, ни людей.

Она села. Голова ответила тупой болью в висках. Под левой ключицей тянуло так, будто там остался синяк от ремня. На ней были не её джинсы и свитер, а длинная серая футболка, доходившая почти до колен. Нижнее бельё было своё.

Нина провела рукой по груди, животу, бёдрам. Проверяла себя, почти не понимая, что именно надеется обнаружить или не обнаружить. От этого движения стало стыдно, хотя стыдиться было нечего.

Последнее ясное воспоминание: парковка возле круглосуточного магазина, мелкий дождь, пакет с молоком и кормом для кота. На телефоне — сообщение от сестры: «Ты опять не берёшь трубку». Она ответила: «Перезвоню через десять минут».

Потом рядом остановилась машина.

Нина попыталась вспомнить цвет. Серебристая? Тёмная? Память распалась на отдельные вспышки: мокрая ручка пакета, запах чужой куртки, жёсткий край дверного проёма. Лицо мелькнуло слишком быстро. Или вовсе не мелькало, а мозг уже успел его придумать.

Она встала.

Дверь оказалась незапертой. За ней тянулся коридор, застеленный узкой дорожкой. На противоположной стене висела репродукция моря. Нина сделала несколько шагов босиком, прислушиваясь. Ни стонов, ни шагов, ни звона посуды. Дом молчал с такой обстоятельностью, словно его подготовили к показу покупателям.

В конце коридора была лестница вниз. Две двери справа, одна слева. Все одинаковые, окрашенные в цвет топлёного молока. На ближайшей двери висел крючок для полотенца, но полотенца не было.

Нина побежала к лестнице.

На первом этаже пахло кашей. Этот запах показался невозможным и почему-то самым страшным. Кто-то готовил завтрак, пока она приходила в себя в чужой одежде.

Из кухни вышла женщина лет сорока. На ней был тёмно-синий халат и белые носки, такие толстые, что шагов почти не было слышно. Женщина несла миску и ложку. Увидев Нину, остановилась.

— Проснулась, — сказала она.

Не спросила, не обрадовалась, не испугалась. Просто констатировала.

— Где я?

— В доме.

— В каком доме?

— Здесь безопаснее разговаривать тихо.

— Меня похитили? — Нина услышала свой голос со стороны. Он был хриплым и жалким, будто принадлежал другой женщине. — Кто вы? Где мой телефон?

Женщина не ответила сразу. Поставила миску на комод, поправила рукав халата.

— Меня зовут Тамара.

— Мне нужно позвонить.

— Я знаю.

— Тогда дайте телефон.

— Его у меня нет.

— А у кого есть?

Взгляд Тамары скользнул в сторону кухни. Не к двери — дальше, к чему-то невидимому из коридора.

Нина прошла мимо неё. Кухня была большой, светлой, с круглым столом и четырьмя стульями. На плите остывала кастрюля. На столе стояли три тарелки, три стакана и блюдо с нарезанным яблоком. Четвёртого прибора не было.

У окна сидела ещё одна женщина. Худошавая, с тёмными волосами, небрежно собранными на затылке. На вид — около тридцати пяти. Она держала обеими руками пустую кружку и не поднимала глаз.

— Тамара, — сказала она, — не надо было позволять ей спускаться одной.

Нина обернулась.

— Позволять?

— Ольга, — спокойно представила её Тамара. — Она здесь давно.

— Восемь месяцев, — уточнила женщина у окна.

Восемь месяцев прозвучали так буднично, как сообщают о стаже на новой работе.

Нина засмеялась. Один раз, слишком громко. Она ещё хотела что-то сказать, но рот пересох.

— Это шутка? Какой-то эксперимент? Если вы снимаете меня, если это розыгрыш...

— Никаких камер в кухне нет, — сказала Ольга. — Во всяком случае, мы их не нашли.

Тамара резко посмотрела на неё.

— Замолчи.

— Почему? Ей всё равно скоро расскажут.

Нина подошла к окну. За стеклом тянулся мокрый газон, дальше — забор. На калитке висел навесной замок. Слева, за зарослями сирени, угадывалась крыша какой-то постройки. Улица, если она существовала, отсюда не просматривалась.

Она дёрнула оконную ручку. Та повернулась не до конца и упёрлась во что-то.

— Окно не откроется, — сообщила Ольга.

Нина ударила по стеклу ладонью.

— Тогда разбить.

— Чем?

Она поискала глазами тяжёлую кастрюлю, нож, металлическую кофемолку. Ножей на виду не было. Половник висел на крючке, большой, блестящий, почти комичный.

— Ты сейчас не хочешь, чтобы он услышал стекло, — сказала Тамара.

— Кто — он?

Ольга поставила кружку на стол.

— Теперь ты задаёшь правильный вопрос.

Тамара повернулась к ней всем телом.

— Сядь и поешь.

— Меня волнует не завтрак!

— Я понимаю.

— Нет, не понимаете! Я не знаю, где нахожусь. У меня сестра, у меня квартира. Меня будут искать. Я...

Нина замолчала, потому что вспомнила, что кот остался дома один. Серый дворовый кот с откусенным кончиком уха, которого она взяла полтора года назад. С утра он должен был

требовать корм и царапать дверь спальни. От мысли, что он будет орать в пустой квартире, Нина почувствовала, как подкашиваются ноги.

Ольга выпрямилась.

— Тебя как зовут?

— Нина.

— Фамилия?

— Орлова.

Ольга повторила фамилию одними губами. Нина заметила, что на безымянном пальце у неё сохранилась светлая полоска от кольца.

— Какое сегодня число? — спросила Нина.

— Семнадцатое октября, — ответила Тамара.

— Какого года?

Ольга коротко усмехнулась. Не издевательски. Как человек, которому тоже однажды понадобилось задать этот вопрос.

— Две тысячи двадцать шестого, — сказала она. — Ты не потеряла годы. Пока.

Сзади негромко щёлкнул замок.

Нина не слышала, как кто-то подошёл к дому, не слышала машины или шагов по крыльцу. Просто дверь в прихожей открылась — и в кухню вошёл мужчина с бумажным пакетом в руке.

Он был невысоким, плотным, с коротко стриженными седыми волосами. Лицо ничем не выделялось: широкие скулы, усталые глаза, небольшой шрам над подбородком. Обычная тёмная куртка, обычные брюки. Именно так, подумала Нина, выглядел бы человек, которого она встретила бы у банкомата и не смогла вспомнить через десять минут.

Мужчина поставил пакет на стол.

— Доброе утро.

Тамара ответила немедленно:

— Доброе утро.

Ольга промолчала.

Мужчина посмотрел на Нину, потом на пустую третью тарелку.

— Уже познакомились?

— Вы меня похитили, — сказала Нина.

Она хотела произнести это твёрдо. Получилось почти шёпотом.

Мужчина вынул из пакета хлеб, масло и контейнер с помидорами. Снял куртку, повесил на спинку стула.

— Да, — сказал он.

Этого «да» оказалось достаточно, чтобы у Нины заложило уши.

— Зачем?

— Сейчас слишком много вопросов. Сначала тебе нужно поесть.

— Я хочу уйти.

— Понимаю.

— Вы не имеете права меня удерживать.

— Разумеется.

Он говорил без издёвки, без угрозы. Даже с оттенком усталого сочувствия. Нина вдруг поняла, что этот тон будет гораздо труднее переносить, чем крик.

— Значит, откройте дверь.

Мужчина посмотрел на Тамару.

— Ты объяснила ей правила?

— Не успела.

— Плохо.

Он сел за стол, раскрыл контейнер, тщательно расправил крышку. Над кухонным шкафом тикали часы. Тамара не двигалась.

— Здесь всё довольно просто, Нина. Ты ешь, спишь и делаешь то, о чём мы договорились. Никто не причинит тебе вреда, если ты не будешь вынуждать меня принимать неприятные решения.

— Какие решения?

— Не надо торопиться.

Он подвинул ей тарелку с кашей.

Нина не села. Взгляд её упал на руки мужчины. На левом запястье виднелась тонкая светлая полоска, будто он совсем недавно снял часы. На среднем пальце правой руки — бумажный порез. Эти мелочи хотелось запомнить. Они возвращали чувство реальности: маньяк, который поранился о бумагу, был не кошмаром, а конкретным человеком, которого однажды можно будет описать полицейскому.

— Меня будут искать, — повторила она.

— Возможно.

— У меня есть близкие.

— Знаю.

Он произнёс это слишком быстро.

Нина подалась вперёд:

— Откуда?

Мужчина повернулся к Тамаре:

— Я просил не обсуждать личное за едой.

Тамара кивнула, хотя не сказала ни слова.

Нина ударила ладонью по столу. Чашка подпрыгнула, рассыпались крошки.

— Да посмотрите вы на меня! Что вам от меня нужно?

Мужчина медленно поднялся.

Ольга зажмурилась. Тамара шагнула между ними, но остановилась на полпути.

Он не приблизился к Нине. Вместо этого взял её тарелку и отнёс к раковине. Каша с тихим плеском ушла в слив.

— Очень жаль, — сказал он. — Значит, сегодня завтрак отменяется для всех.

— Подождите, — произнесла Тамара.

Мужчина вымыл тарелку, поставил в сушилку. Потом забрал со стола хлеб и масло.

— Обед в два. Постарайтесь к этому времени договориться между собой.

Он вышел из кухни, и вскоре в прихожей снова щёлкнул замок.

Нина стояла у стола с вытянутой рукой. Она почти могла поверить, что мужчина просто ушёл на работу, а они остались в чужом дачном доме ждать хозяйку.

Первой пошевелилась Ольга. Она отодвинула стул так резко, что ножки заскрипели о плитку.

— Молодец, — сказала она. — Правда. Отличное начало.

Нина повернулась к ней:

— Ты серьёзно? Ты предлагаешь мне подчиняться этому ублюдку?

— Я предлагаю не оставлять меня без еды из-за того, что ты решила показать характер.

— Он нас похитил!

— Я в курсе, Нина. Я здесь восемь месяцев.

Нина не нашла слов.

Тамара подошла к раковине. Вымыла чистую ложку, вытерла полотенцем и положила в ящик. Только тогда обернулась.

— Послушай меня. У тебя сейчас может быть одна из двух целей. Первая — доказать ему, что он не имеет права так поступать. Вторая — выбраться отсюда живой. У него нет права. Ты уже доказала. Давай займёмся второй.

В её голосе впервые прозвучало что-то человеческое, уставшее.

— Ты сколько здесь? — спросила Нина.

Тамара посмотрела на дверь кухни.

— Почти шесть лет.

Нина почувствовала, как воздух в комнате стал тяжёлым.

— Ты пыталась убежать?

— Да.

— И?

— Поэтому я всё ещё здесь.

Она взяла со стола блюдо с яблоком, разделила дольки на три равные кучки и одну подтолкнула Нине.

Нина смотрела на яблоко, пока её не начало тошнить.

В семнадцать лет она однажды застряла в лифте на сорок минут. Тогда ей казалось, что она никогда больше не сможет спокойно находиться в тесном помещении. Сейчас она вдруг очень ясно представила: сорок минут — это ничто. Сорок минут можно переждать, отсчитывая вдохи. Шесть лет нельзя ни представить, ни сосчитать.

Она взяла дольку яблока. Не потому, что согласилась. Просто с утра ничего не ела и начинала дрожать.

Тамара отвернулась, словно хотела избавить её от необходимости встречаться глазами.

— И ещё кое-что, — сказала она. — Когда он спросит, сама ли ты решила поесть, ответь: сама.

— Почему?

— Потому что для него это важно.

— Что именно?

Тамара провела пальцем по краю блюда.

— Чтобы мы называли его решения своими.

Первым делом Нина пересчитала двери.

Входная — одна. Из кухни в кладовую — вторая. В кабинете, куда мужчина ушёл после обеда, — третья, но Нина успела только мельком увидеть тёмно-зелёную обивку на двери. На втором этаже было четыре комнаты, включая ванную. Ещё одна дверь обнаружилась под лестницей; её плотно закрывала тяжёлая занавеска, как будто кто-то не хотел, чтобы на неё вообще обращали внимание.

Нина считала не потому, что ожидала в первый же день найти выход. Она работала в небольшой типографии, отвечала за заказы и сроки, привыкла превращать беспорядок в таблицы. Когда клиент требовал напечатать двести буклетов к утру и одновременно изменить уже утверждённый макет, она выписывала всё на лист, разделяла на выполнимое и невозможное и начинала с первого пункта. В чужом доме это привычное действие помогало не сойти с ума.

Сначала — понять, где она находится. Потом — где выход. Потом — чем можно воспользоваться, не подставив женщин, которые живут здесь дольше.

Последнюю мысль она записала в воображаемую таблицу с досадой. Ещё утром Нина не собиралась отвечать за Тамару и Ольгу. Она не знала их. Не была уверена, что им можно доверять. Но стоило представить, как мужчина выливает еду в раковину и Ольга отводит глаза, и становилось ясно: теперь любое действие одной из них неизбежно коснётся остальных.

После отменённого завтрака они молчали почти час. Ольга сидела у окна, Тамара стирала полотенца в ванной наверху. Нина прошла вдоль стены кухни, осторожно ощупывая рамы.

Стёкла были толстыми, а снаружи, за выцветшими деревянными жалюзи, виднелись прутья. При дневном свете они маскировались тенями.

— Это не поможет, — сказала Ольга, не оборачиваясь.

— Почему ты всё время так говоришь?

— Потому что я тоже трогала эти окна.

— Ты могла что-то пропустить.

— Конечно.

В голосе Ольги не было злости. Это почему-то раздражало ещё сильнее.

Нина присела напротив.

— Он тебя бил?

Ольга подняла взгляд. Глаза у неё были светлые, почти бесцветные, с красными прожилками на белках. На переносице остался след от очков, которых сейчас не было.

— Какое это имеет значение?

— Мне нужно понимать, что он может сделать.

— Всё, что захочет.

— Это не ответ.

— Тогда спроси Тамару. Она любит точные ответы.

Ольга взяла пустую чашку и вышла, оставив Нину одну.

Уходя, она прихрамывала, едва заметно перенося вес с правой ноги на левую. До этого Нина не обратила внимания.

В обед мужчина вернулся с улицы, и они снова сели за круглый стол. На этот раз было жаркое с картошкой и морковью. Он разложил еду сам, так тщательно, будто принимал гостей. Тарелки у женщин были одинаковыми, белыми, с крошечными трещинками глазури. Его тарелка отличалась: синяя кайма, скол на краю.

Нина заставила себя есть. От горячей пищи свело желудок. Мужчина рассказывал о приближающихся заморозках. Говорил, что отопление уже пора включать сильнее, но тогда в спальнях будет душно. Спрашивал Ольгу, лучше ли стала нога, и советовал Тамаре не носить тяжёлую корзину с бельём по лестнице.

Всё это было чудовищно нормальным.

— Как к вам обращаться? — спросила Нина, когда он налил себе компот.

Он поставил кувшин.

— А зачем тебе это?

— У вас есть имя.

— Конечно.

— Я хочу его знать.

— Для чего?

Нина почувствовала, как по лицу растекается жар. Казалось, он намеренно вытягивает её на детскую ссору, в которой взрослая власть достаётся тому, кто медленнее говорит.

— Чтобы знать, кто держит меня здесь.

Мужчина кивнул, будто признал убедительный аргумент.

— Ты можешь обращаться ко мне на «вы». Этого достаточно.

— А если я откажусь?

Ольга перестала жевать. Тамара положила вилку на край тарелки — очень тихо, но Нина услышала.

Мужчина вытер рот салфеткой.

— Ты имеешь право отказаться, Нина. От многого. Но я не могу обещать, что любой твой выбор окажется без последствий.

— Это угроза.

— Нет. Это устройство мира.

Он закончил обед, оставив на тарелке две морковные дольки. Нина запомнила и это. Никто не знает, что пригодится потом: скол на тарелке, предпочтения в еде, манера открывать дверь.

Перед уходом мужчина вытащил из ящика стола тонкую школьную тетрадь в клетку. Обложка была прозрачной, под ней лежала полоска бумаги с написанным от руки словом «ДНЕВНИК».

— Сегодня Нине объясняют порядок, — сказал он. — Завтра начнём записи.

Он раскрыл тетрадь, пробежал глазами предыдущую страницу и передал её Тамаре.

Нина успела увидеть ровные колонки. Дата. Имя. Короткая фраза. Подпись.

— Что это?

— Ничего сложного. Вечером каждый записывает одно решение, которое принял за день самостоятельно.

— Мы же вообще ничего не можем решать!

Мужчина посмотрел на неё почти с удивлением.

— Ты решила спуститься к завтраку. Решила со мной разговаривать. Решила не есть, когда предложили. Потом решила поесть за обедом. Очень много решений. У меня, например, сегодня их было меньше.

— Потому что вы всё решаете за нас.

— Значит, завтра ты сможешь выбрать что-нибудь другое.

Он вышел, на этот раз не убрав тетрадь. Тамара положила её на буфет рядом с часами. Нина подошла, открыла на первой странице.

На бумаге почерком Тамары было написано:

«Я добровольно осталась сегодня дома».

Ниже стояла подпись. Дата — восемнадцатое марта.

На следующей странице тот же почерк сообщал: «Я добровольно отказалась от телефонного разговора». Ещё через несколько листов: «Я добровольно не стала подходить к воротам».

Нина листала быстро, чувствуя, как поднимается тошнота. Некоторые фразы были написаны неровно, с большими пробелами между буквами. В нескольких местах остались вдавленные следы, будто бумагу прокалывали ручкой. Последние записи принадлежали двум женщинам — Тамаре и Ольге.

— Это что, какие-то показания? — спросила Нина.

— Нет, — сказала Тамара.

— Он собирается показать их полиции? Сказать, что вы жили здесь по своей воле?

— Не знаю.

— Тогда зачем вы это пишете?

— Потому что в тот день, когда перестаёшь подписывать, он начинает выбирать за тебя уже без всякого притворства.

Ольга за столом отвернулась к окну.

Нина раскрыла последнюю страницу. Семнадцатое октября. Тамара записала: «Я добровольно позавтракала вместе с Ниной». Но завтрака не было. Ни у кого.

— Ты врешь даже тут.

Тамара посмотрела на неё.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы не заставлять тебя с первого дня описывать, что произошло на самом деле.

Нина обернулась к Ольге. Та молчала.

— Когда-нибудь ты поймёшь, — сказала Тамара. — Не сегодня.

— Не говори со мной как с ребёнком.

— Тогда не требуй от меня ответов, которые я не могу дать.

Она забрала тетрадь и поставила обратно на буфет.

Вечером, пока мужчина не показывался, Нина поднялась наверх. Тамара разрешила ей сходить в душ, выдала чистое полотенце и новую зубную щётку в целой упаковке. На вопрос, откуда берутся вещи, сказала: «Он приносит». На вопрос, откуда знает их размеры, не ответила.

Ванная оказалась просторной. В шкафчике стояли три зубные пасты, три расчёски, баночка крема для рук и флакон дешёвых духов. Над раковиной висело зеркало с треснувшим углом. В отражении Нина увидела измученную женщину в чужой футболке. Волосы на висках слиплись, под глазами появилась сероватая тень. На правой щеке был узкий красный след, который она раньше не заметила.

Нина осторожно коснулась его пальцем.

— Нина? — раздался из-за двери голос Тамары. — Ты там в порядке?

— Да.

— Воды достаточно?

— Да.

Нина стояла и смотрела себе в глаза. В какой-то момент ей показалось, что она сейчас начнёт плакать, но слёз не было. Она почувствовала лишь злость. Чистую, сильную, без примесей. На мужчину. На этот дом. На Тамару, которая спрашивала про воду таким тоном, будто Нина приехала к ней погостить.

Она включила душ, разделась и несколько минут стояла под горячей струёй. Потом выключила воду и прислушалась.

Снизу доносились голоса. Слов было не разобрать. Кто-то говорил ровно, почти ласково; другой отвечал отрывисто. Хлопнула дверь.

Когда Нина вышла в коридор, Тамары там уже не было.

На лестничной площадке она впервые заметила четвёртую дверь. Утром, в суматохе, Нина приняла её за часть деревянной обшивки. Сейчас на фоне стены отчётливо виднелась узкая щель и круглая латунная ручка. На остальных дверях ручки были обычные, белые, пластиковые.

Нина повернула латунную ручку. Та не поддавалась.

Снизу раздалось:

— Нина!

Она вздрогнула. Тамара стояла у основания лестницы и смотрела вверх. Лицо у неё было странным: ни злым, ни испуганным, а таким, будто Нина случайно наступила на то, что нельзя восстановить.

— Это кладовая? — спросила Нина.

— Не трогай её.

— Почему?

— Там закрыто.

— Я вижу. Что там?

Тамара поднялась на несколько ступенек.

— Ты можешь злиться сколько угодно. Но с сегодняшнего дня у нас будет одна просьба. Если не знаешь, что за дверью, сначала спроси. Не проверяй сама.

— Ты говоришь прямо как он.

Тамара остановилась.

Нина сразу поняла, что попала в больное место, и испытала гадкое удовлетворение. Это было первое, что она смогла причинить кому-то в этом доме, не считая утреннего скандала.

— Наверное, — сказала Тамара. — Я слишком долго его слушала.

Она спустилась вниз, не оглядываясь.

Нина осталась у двери. Ей хотелось ещё раз повернуть ручку, ударить кулаком, выкрикнуть что-нибудь. Вместо этого она приблизила ухо к деревянной поверхности.

Там было тихо.

Не просто тихо. За всеми остальными дверями дом жил — потрескивали батареи, гудела вода, скрипели половицы. Здесь тишина казалась глухой, плотной, как внутри шкафа, наполненного одеждой.

Нина уже отступила, когда заметила под ручкой тонкую царапину. На краске кто-то много раз проводил острым предметом по одному месту. Линии складывались в короткие вертикальные штрихи. Пять. Ещё пять. И ещё три.

Она попробовала их сосчитать, но откуда-то снизу донёсся голос мужчины:

— Вечерняя проверка через десять минут.

Нина вернулась в комнату.

Её собственная одежда лежала теперь на кровати, аккуратно выстиранная и сложенная. Джинсы, чёрная водолазка, носки. Из кармана пропали ключи и чек из магазина, который она почему-то хорошо помнила. С телефона тоже не осталось следа.

Она оделась, села на край матраса и стала ждать.

В десять вечера Тамара принесла стакан воды. Нина спросила, запирают ли здесь спальни на ночь. Тамара ответила: «Да». На вопрос, кто и зачем, ответила: «Он». Потом добавила:

— Ольга иногда стучит в стену. Это не значит, что она зовёт на помощь. Старайся выспаться.

— А если я всё-таки позову?

— Я услышу.

— И придёшь?

Тамара долго молчала.

— Если смогу.

Через несколько минут мужчина прошёл по коридору, заглянул в комнату и пожелал спокойной ночи. Нина не ответила. Он погасил верхний свет и закрыл дверь. Металлический язычок щёлкнул в замке.

Нина почти сразу встала и подёргала ручку. Заперто.

Она легла поверх одеяла, не раздеваясь. В темноте время двигалось иначе. Сначала она пыталась отсчитывать минуты между шумом проезжающих машин, но машин не было. Затем прислушивалась к ветру, шуршавшему в голых ветках за окном. Потом мысленно перечисляла мебель в собственной квартире: обеденный стол, три стула, полка с книгами, слишком большой торшер у дивана, который сестра называла уродливым.

Нина вспомнила, как Катя смеялась над этим торшером, и впервые заплакала.

Она плакала тихо, уткнувшись лицом в подушку. Не хотела, чтобы мужчина слышал, и от этого сама себе казалась уже проигравшей.

Где-то после полуночи Нина проснулась от звука.

Три негромких удара. Пауза. Ещё три.

Она приподнялась на локтях. Звук шёл не со стороны Ольгиной комнаты. Он раздавался из глубины дома, будто кто-то ударял металлическим предметом по трубе отопления.

Нина села на кровати и прислушалась. Больше ничего.

Потом — слабый скрип половиц в коридоре. Чьи-то шаги, осторожные и медленные. Они остановились у её двери.

Нина задержала дыхание.

Снаружи женщина шёпотом произнесла:

— Не отвечай ему, если он спросит про воскресенье.

Нина вскочила, бросилась к двери.

— Что? Кто там?

Шаги быстро удалились.

— Тамара? Ольга?

Никакого ответа.

Она долго стояла, прижимая ладонь к холодной дверной ручке. Весь день ей казалось, что хуже этой ночи ничего быть не может. Теперь она впервые подумала о том, что кто-то в доме может бояться мужчины меньше, чем ответа на какой-то вопрос.

ГЛАВА 2. ВОСКРЕСЕНИЕ

Воскресенье началось с музыки.

Нина проснулась от нескольких неровных фортепианных аккордов. Кто-то наигрывал медленную мелодию, сбивался на одном и том же месте и начинал заново. Звук шёл снизу, проникал сквозь потолок, словно в доме внезапно появилась ещё одна комната.

Она села на кровати и удивилась тому, как быстро научилась узнавать собственную беспомощность на ощупь. Дверь заперта. Телефона нет. За окном тот же лес, ставший за ночь более отчётливым: туман поднялся, обнаружив чёрные стволы и низкое пасмурное небо.

Музыка оборвалась на неверной ноте.

Утром, когда Тамара пришла с полотенцем, Нина спросила её про шёпот в коридоре.

— Я спала, — ответила Тамара.

— Это была Ольга?

— Не знаю.

— Кто-то сказал мне про воскресенье.

Полотенце выскользнуло из рук Тамары.

Совсем ненадолго. Она тут же подняла его, отряхнула и аккуратно сложила пополам.

— Ты могла услышать сон, — сказала она.

— Сегодня воскресенье.

— Да.

— Что должно случиться?

Тамара расправила полотенце у Нины на кровати. Угол к углу, без единой складки.

— Если он задаст тебе вопрос, — произнесла она наконец, — не отвечай сразу. Просто попроси время подумать.

— Какой вопрос?

Тамара посмотрела прямо на неё.

— Именно поэтому я и говорю: попроси время.

Через минуту щёлкнул замок. В дверях стояла Ольга.

— Умывайся. Завтрак через двадцать минут.

— Это ты ночью приходила?

— Нет.

— Я слышала голос.

Ольга окинула комнату взглядом. Нина заметила, что она ищет нечто определённое — возможно, оставленные на виду вещи или следы беспорядка.

— Ты всегда всё слышишь, — сказала Ольга. — Первую неделю здесь невозможно уснуть.

— Кто играл?

— Тамара.

— Здесь есть пианино?

— В столовой. Закрытое. По воскресеньям он разрешает ей играть.

— Зачем?

Ольга поправила рукав свитера.

— Она раньше преподавала музыку. Думаю, он считает это добрым поступком.

Нина посмотрела на неё.

— А ты?

— Я думаю, что он любит смотреть, как она останавливается посреди мелодии.

На завтрак подали омлет, хлеб и чай. Мужчины не было. За столом три женщины сидели так далеко друг от друга, как позволяла столешница. Нина ела и пыталась понять, кто из них ночью подходил к её двери.

Тамара выглядела утомлённой. На правой руке у неё был пластырь. Она несколько раз поправляла его большим пальцем, хотя он держался крепко.

— Ты что-то порезала? — спросила Нина.

— Бумага.

— Я видела тетрадь. Там записи на полгода. А что было раньше?

Ольга бросила на неё короткий взгляд.

— Ты не устаёшь?

— От чего?

— От вопросов.

— Пока нет.

Тамара положила вилку.

— Тетради меняются. Старые он забирает. Новые приносит.

— Сколько их было?

— Не помню.

— Ты же почти шесть лет здесь.

— Именно.

Ответ прозвучал спокойно, но Нина впервые заметила у Тамары привычку: когда её спрашивали о прошлом, она слегка поджимала пальцы правой руки, словно ощупывала невидимые клавиши.

— У тебя есть дети? — спросила Нина.

Тамара побледнела так резко, что это нельзя было принять за игру света.

— Давай не сегодня.

— Извини.

— Всё в порядке.

Ольга сдвинула тарелку.

— Нет, не в порядке. Не спрашивай у неё о семье. И у меня не спрашивай. Нам всем прекрасно известно, что мы оставили снаружи.

— Я не хотела...

— Хотела познакомиться? Здесь не знакомятся, Нина. Здесь запоминают, как долго человеку нужно жевать, чтобы не подавиться от страха. А потом могут по голосу определить, сколько у него ещё осталось сил. Этого достаточно.

Ольга встала и ушла из кухни.

Тамара долго смотрела на место, где стояла её тарелка.

— У неё был тяжёлый месяц, — произнесла она.

— У неё был тяжёлый год.

— Восемь месяцев — не год.

— Ты понимаешь, что меня это не успокаивает?

Тамара слабо улыбнулась.

— Понимаю.

До полудня мужчина не появлялся. Женщины занимались обычными делами. Ольга вытерла кухонные поверхности, Тамара перебрала бельё и разобрала старый шкаф с книгами. Нина хотела помочь, но они несколько раз повторили, что ей лучше отдыхать. От безделья начинало трясти.

Она пришла в столовую. Это была самая большая комната первого этажа: длинный стол, буфет, потрёпанный диван у стены, окно на сад. У дальней стены стояло старое чёрное пианино. Крышка была опущена, на ней лежал ключ — маленький, латунный, с овальным ушком. Нина взяла его и на мгновение почувствовала прилив надежды, совершенно несоразмерный находке.

Она обошла комнаты, примеряя ключ к замкам. Он оказался слишком маленьким и не подошёл ни к одной двери. Когда Нина вернулась в столовую, Тамара уже стояла возле инструмента.

— Прости. Я решила...

— Это ключ от пианино.

— Да, я поняла.

Тамара протянула руку. Нина вернула ключ, и женщина спрятала его в складке халата.

— Ты правда преподавала?

— Да.

— В музыкальной школе?

— В детской школе искусств. Потом частно.

— Наверное, скучаешь.

Тамара посмотрела на закрытую крышку.

— Сначала я вспоминала музыку каждый день. Могла мысленно сыграть сонату целиком, от первой ноты до последней. Старалась удержать даже неудобные места, которые раньше пропускала. А потом заметила, что начинаю забывать переходы. Сначала один такт. Потом два. От этого становилось страшнее, чем от всего остального.

Она провела рукой по гладкой чёрной поверхности.

— По воскресеньям он разрешает мне играть пятнадцать минут. Только пятнадцать. И если я ошибаюсь, время не добавляет.

Нина не знала, что ответить.

— Почему ты не попросишь играть каждый день?

Тамара повернулась.

— Я попросила. На третий год. Он ответил, что я должна научиться ценить то, что имею.

Она убрала ладонь с пианино.

— Я мечтала разбить ему лицо этим ключом. Представляешь? Ключ маленький, почти игрушечный, а я ночью лежала и воображала, как это сделаю. Потом перестала. Не потому, что простила. Просто устала представлять одно и то же.

Так Тамара впервые призналась в ненависти. Она произнесла это без злобы, и Нина почувствовала к ней неожиданную близость.

В половине второго мужчина позвал их в кухню.

Он уже сидел за столом с тетрадью и тремя чистыми листами. На нём была светлая рубашка, застёгнутая до верхней пуговицы. В углу работал небольшой обогреватель, хотя батареи оставались тёплыми. От этого воздух в комнате казался затхлым.

— Добрый день, — сказал он. — Сегодня воскресенье. У нас будет беседа.

Нина села последней. Тамара выбрала место напротив мужчины. Ольга — ближе к двери.

— Как прошла первая ночь? — спросил он Нину.

— Плохо.

— Больно что-нибудь?

— Голова.

— Попросим Тамару дать тебе таблетку после обеда. Я не хотел, чтобы первые дни были такими тяжёлыми.

— Но похитить меня вы хотели.

Он кивнул.

— Мы уже обсуждали это. Теперь важно, что будет дальше.

Он положил перед Ниной один из чистых листов. Обычная офисная бумага. Ни печатей, ни текста.

— У каждого здесь есть возможность сообщить о себе близким. Один раз в месяц мы пишем письмо, раз в неделю обсуждаем его содержание. Письмо будет отправлено только тогда, когда я решу, что оно не навредит никому из нас.

— То есть никогда, — сказала Ольга.

Мужчина словно не услышал.

— Нина, ты можешь написать сестре. Катерине Орловой. Правильно?

Нина почувствовала, как под столом холодеют ступни.

— Откуда вы знаете её имя?

— Ты рассказывала про сестру вчера. Имя у неё красивое.

— Я не называла имени.

На этот раз он задержал взгляд на Нине на лишнюю секунду.

— Возможно. У нас впереди много времени, чтобы познакомиться поближе.

Нина перевела взгляд на Тамару. Та сидела очень прямо и смотрела на лист бумаги, не поднимая глаз.

— Что я должна написать?

— Правду. Что ты жива, что у тебя есть еда и крыша над головой. Что ты не хочешь пока возвращаться.

— Но я хочу возвращаться.

— Тогда подумай, как написать так, чтобы твоя сестра не испугалась.

— Она должна испугаться! Она должна меня искать!

— Скорее всего, уже ищет, — сказал мужчина.

Это было сказано с таким равнодушием, что Нине стало трудно дышать.

— Значит, вы знаете, что полиция ищет меня?

— Полагаю, да.

— Вам всё равно?

— Нет. Я просто не обязан обсуждать с тобой свои тревоги.

Он пододвинул к ней ручку.

— Пиши.

Нина смотрела на белый лист. Перед глазами стояла Катя в своей обычной короткой куртке, с ключами на пальце, вечно куда-то спешащая. Катя не поверит письму. Катя увидит чужие слова. Катя обязательно пойдёт в полицию.

Но откуда Нине знать, что письмо действительно отправят? И что мужчина сделает с ней, когда прочитает написанное?

Она взяла ручку.

«Катя», — вывела она, и рука задрожала.

Мужчина не мешал. Ольга сидела с закрытыми глазами.

Нина дописала: «Если ты это читаешь, значит, я жива».

Она хотела продолжить: «Меня держат против моей воли». Но мужчина сидел напротив и внимательно следил за движением ручки. Следующая строчка была бы такой же бессмысленной, как крик за запёртым окном.

Нина положила ручку.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что это не будет моё письмо.

Мужчина молчал.

— Я могу рассказать сестре о себе, — продолжила она. — Но не могу назвать это добровольным отъездом. Вы заставляете меня лгать.

Он задумчиво постучал пальцем по тетради.

— Хорошо. Тогда отложим письмо. У тебя есть время передумать.

Тамара едва заметно выдохнула.

Мужчина повернулся к Ольге:

— Теперь второй вопрос. У нас на этой неделе возникли разногласия. Вчера Ольга отказалась исполнять договорённость по уборке. Тамара не смогла предотвратить конфликт за завтраком. Нина нарушила порядок в первый день. Мне неприятно, что в доме, где всего четыре человека, невозможно договориться без напоминаний.

Нина вскинула голову.

— Четыре?

— Нас четверо, Нина. Три женщины и я. Не следует усложнять простую арифметику.

Она промолчала.

— Каждое воскресенье, — продолжил он, — мы решаем, кому на следующей неделе потребуется больше внимания. Это не наказание. Это помощь. Человек, который слишком устал, может на время освободиться от общей жизни.

Ольга сжала руки на коленях. Тамара смотрела в стол.

— Что означает «освободиться»? — спросила Нина.

Мужчина открыл тетрадь на пустой странице.

— Провести несколько дней в отдельной комнате. Без обязанностей. Без споров. Иногда тишина полезна.

Нина вспомнила дверь с латунной ручкой.

— Наверху?

— Не обязательно.

Он посмотрел на женщин по очереди.

— На этой неделе я хочу, чтобы решение приняли вы сами. Каждый назовёт того, кому нужен отдых.

Ольга закрыла глаза ещё крепче.

Тамара подняла руку, словно на школьном уроке.

— Можно завтра? Нина совсем недавно приехала. Ей нужно время.

Мужчина откинулся на спинку стула.

— Я ожидал этого вопроса. Но поговорить нужно сегодня.

— Тогда выберите меня, — сказала Тамара.

— Я спрашивал не об этом.

— Пожалуйста.

Впервые за два дня Нина услышала в её голосе не просто просьбу — настоящий страх. Тамара не смотрела на мужчину. Она смотрела в чистый лист перед Ниной.

— Вот видишь, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Даже Тамара хочет отдохнуть. Но мне важно, что скажут остальные.

— Я не буду никого выбирать, — произнесла Нина.

— Это тоже решение. Однако оно оставляет вопрос открытым.

— Пусть он и останется открытым.

Мужчина перевёл взгляд на Ольгу.

— А ты?

Ольга разжала ладони. На коже остались следы от ногтей.

— Тамару, — сказала она.

Нина резко повернулась.

— Ты что делаешь?

— Отвечаю.

— Ты же видишь, что она боится!

— Все боятся.

Мужчина поднял ладонь, призывая к тишине.

— Один голос за Тамару. Один отказ. Тамара предложила себя добровольно. Похоже, мнение большинства складывается.

— Это не большинство! — крикнула Нина. — Вы включили в подсчёт её просьбу, хотя сами сказали, что спрашиваете не об этом!

— Как ты внимательна, — сказал он. — Это хорошее качество. Очень хорошее.

Он закрыл тетрадь.

— Решение принято. Тамара отдохнёт до среды. Ольга поможет ей собрать вещи. Нина, тебе я советую не превращать заботу о другом человеке в повод для ссоры.

Он встал и вышел, оставив перед Ниной незаконченный лист для письма. Внизу крупными буквами было написано «Катя». В столовой где-то скрипнула половица.

Нина посмотрела на Ольгу.

— Ты специально это сделала.

Ольга продолжала сидеть.

— Да.

— Почему?

— Потому что она попросила.

— Она попросила его! Чтобы он отложил решение!

Ольга медленно повернулась к ней.

— Нина. Послушай. Если бы я сказала своё имя, он выбрал бы Тамару. Если бы я сказала твоё, он выбрал бы Тамару. Если бы обе мы промолчали, он всё равно выбрал бы Тамару. Единственное, что мы могли сделать, — не заставлять её ждать ещё два часа, надеясь, что всё обойдётся.

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Знаю.

— Откуда?

Ольга пододвинула пустой лист к центру стола, словно избавлялась от чего-то грязного.

— Потому что он всегда выбирает Тамару, когда у нас появляется новая женщина.

Нина обернулась. Тамара сидела неподвижно. Её лицо было совсем бескровным. Она смотрела на собственные руки, сложенные на коленях, и только один палец едва заметно подрагивал.

— Почему? — прошептала Нина.

Тамара подняла глаза.

— Потому что я так попросила.

— Когда?

— Давно.

— Зачем?

Тамара встала, взяла со спинки стула сложенную кофту и вышла из кухни.

Ольга вдруг схватила Нину за запястье.

— Никогда не спрашивай её об этом при нём.

— Но ты же сама...

— При нём — никогда.

Они услышали, как наверху закрылась дверь, потом негромкий звук передвигаемой мебели.

Нина высвободила руку.

— Я всё равно не понимаю.

— Конечно не понимаешь. Ты здесь два дня.

В эту минуту Нина возненавидела в словах Ольги не высокомерие, а то, что они были правдой. Два дня. Для неё — почти непереносимый срок. Для женщин за столом — даже не начало.

Через полчаса мужчина вернулся и велел Нине принести из коридора маленький чемодан. Он стоял возле лестницы, чёрный, на колёсиках, такой, с каким обычно ездят на несколько дней в командировку. На ручке висела бумажная бирка. Нина увидела аккуратно выведенное имя:

«Тамара».

Не фамилию. Только имя.

Когда она подняла чемодан, внутри что-то глухо перекачилось. Он оказался неожиданно тяжёлым. Нина поставила его у лестницы и уже собралась отойти, когда заметила под биркой ещё один след: прямоугольник более светлого пластика, словно здесь недавно была наклеена другая этикетка.

Она не стала трогать её. Не сейчас.

Тамара спустилась через десять минут. На ней были чёрные брюки и тёмная кофта. Волосы аккуратно зачёсаны назад. Нина впервые увидела у неё на шее тонкую цепочку без подвески.

Мужчина ждал в прихожей.

— Готова?

— Да.

— Ты сама решила провести эти дни отдельно?

Тамара закрыла глаза.

— Сама.

— Повтори, пожалуйста, глядя на меня.

Она подняла лицо.

— Я сама решила провести эти дни отдельно.

— Вот и прекрасно.

Он открыл входную дверь. В дом ворвался холодный воздух, запах мокрой земли и прелых листьев. Нина увидела ступеньки крыльца, узкую полосу гравия, деревянную калитку дальше по дорожке. На мгновение всё её тело рванулось к просвету между дверью и косяком.

Но мужчина стоял там, Тамара — рядом, Ольга — за её спиной. Нина представила, как бросается вперёд, как мужчина хватается её, как в наказание Тамару не просто уводят, а оставляют в той самой комнате. Она застыла.

— Нина, — тихо сказала Тамара. — Не делай этого.

Мужчина посмотрел на неё с интересом.

— Чего именно?

Тамара отвела глаза.

— Ничего.

Он вывел её на улицу. Чемодан покатился по гравию, сухо постукивая колёсиками. Дверь закрылась.

Нина подбежала к окну гостиной. Через щель в жалюзи было видно, как мужчина идёт впереди, а Тамара следует за ним к небольшой пристройке. Она не сопротивлялась. Не оглядывалась. Даже не попыталась свернуть к воротам, хотя до них оставалось, наверное, двадцать шагов.

Дверь пристройки открылась. Тамара вошла. Мужчина задержался на пороге, будто прислушивался к чему-то, а потом скрылся следом.

Нина продолжала смотреть, пока совсем не заболели глаза.

— Туда он её ведёт каждый раз? — спросила она.

Ольга подошла к окну, но выглядывать не стала.

— Не всегда.

— Что там?

— Я не видела.

— Она когда возвращается?

— Обычно через три дня.

— Обычно?

Ольга отвела взгляд.

— Бывает дольше.

Нина повернулась к ней.

— И всё это время вы просто живёте здесь, как будто ничего не произошло?

— Нет, — сказала Ольга. — Мы живём здесь, потому что произошло.

Она взяла у Нины со стола лист с недописанным письмом. Посмотрела на строчку «Если ты это читаешь, значит, я жива», осторожно сложила бумагу вчетверо и вернула.

— Не выбрасывай, — произнесла она. — Это правда. Может пригодиться.

Вечером мужчина не принёс ужин. На кухне стояла приготовленная Тамарой кастрюля супа, и Ольга разрешила Нине подогреть себе порцию. Они сидели молча. После девяти Ольга сама закрыла двери их спальни снаружи; Нина слышала, как повернулся ключ.

— У тебя есть ключ? — спросила Нина через дверь.

— Только от комнат.

— Тогда почему ты не открываешь их на ночь?

— Потому что утром он всё проверит.

— Он даже не здесь!

По ту сторону двери Ольга помолчала.

— Я не знаю, где он, Нина. И ты не знаешь.

Шаги удалились.

Нина достала из кармана недописанное письмо, развернула. Бумага уже начала мяться по сгибам.

«Катя. Если ты это читаешь, значит, я жива».

Она смотрела на слова, пока те не потеряли смысл. Потом взяла с прикроватной тумбочки карандаш, который нашла днём между страницами старого детектива. На обороте листа написала: «Сегодня 18 октября. Меня зовут Нина Орлова. Я здесь не по своей воле».

Она спрятала письмо в подкладку наволочки, легла и закрыла глаза.

В половине первого послышались знакомые три удара. На этот раз гораздо отчётливее. Пауза. Ещё три.

Нина подошла к двери. В коридоре никого не было. Звук шёл сверху или снизу — определить не удавалось.

Она стукнула костяшками пальцев по дверному косяку. Три раза.

Тишина.

Потом где-то в глубине дома ответили. Один раз.

Нина отступила. У неё дрожали руки. Она вдруг поняла: Ольга сказала, что мужчина ушёл в пристройку, но ни разу не произнесла, что туда ушла только Тамара.

Кто-то ещё находился в доме. Кто-то, кто не вышел к завтраку и не сидел за воскресным столом.

Она прижалась ухом к замочной скважине. Доносился только ветер.

И всё-таки перед самым рассветом, когда серый свет уже начал проступать из-за шторы, Нина услышала приглушённые шаги за дверью.

Человек остановился.

Затем по дереву провели ногтем — длинно, медленно, от самого верха почти до пола.

Нина не двинулась с места.

За дверью раздался голос Ольги:

— Не стучи больше. Она ещё не знает про тебя.

Нина зажала рот рукой.

Она услышала, как одна пара шагов удаляется по коридору. Второй пары не было. И оттого последовавшая тишина показалась не облегчением, а предупреждением.

ГЛАВА 3. ЧЕЛОВЕК ЗА ДВЕРЬЮ

В понедельник утром Нина решила, что больше не будет задавать Ольге вопросов. Это решение продержалось ровно до завтрака.

Ольга поставила на стол две чашки, достала из хлебницы два сухих ломтя и села так, чтобы видеть коридор. Третья чашка осталась в шкафу. Тамара находилась в пристройке, мужчина не показывался, и дом без неё выглядел не более свободным, а хуже устроенным. Кто-то перестал закрывать ящики, на лестнице валялся смятый пакет, у раковины копились ложки. Нина поймала себя на том, что ищет глазами Тамару, хотя ещё вчера была готова возненавидеть её за аккуратность.

— Ты говорила ночью не со мной, — произнесла Нина.

Ольга намазала хлеб маслом. Масло не хотело размазываться и рвалось жёлтыми кусками.

— Доброе утро.

— Я слышала: «Она ещё не знает про тебя». Кому ты это сказала?

— В этом доме многие разговаривают во сне.

— Ты не спала. И была в коридоре.

— Значит, тебе повезло больше, чем мне. Я в коридоре не была.

Нина посмотрела на её лицо. Ольга говорила спокойно; только в руке, державшей нож для масла, появилась мелкая дрожь. У неё были натёрты суставы пальцев, как у человека, который часто и сильно моет посуду.

— Он заставляет тебя врать?

— Нет. — Ольга сложила хлеб пополам. — Иногда я вру сама. Иногда говорю правду, а мне не верят. Привыкай ко второму, с первым всё равно ничего не сделаешь.

— Тамара знает, кто там?

— Тамары здесь нет.

— Я заметила.

— Тогда съешь хлеб.

За окном на калитке блестела вода. Утренний дождь кончился, но листья продолжали падать с яблонь, и каждое падение казалось Нине движением человека у забора.

После завтрака Ольга вынесла мусор в хозяйственный коридор под лестницей. Нина пошла за ней, хотя понимала, как это выглядит: два дня назад ей не позволяли даже открыть окно, а теперь она крадётся за другой пленницей по чужому дому. Коридор был узким, с бетонным полом. В конце стояла металлическая дверь без ручки с внутренней стороны. Над ней жужжала вентиляционная решётка.

— Там выход во двор? — спросила Нина.

— Там подсобка.

— Ты ходишь туда одна?

— Я хожу туда с мусором. Это разные вещи.

Ольга опустила пакет в пластиковый бак, захлопнула крышку и отступила. Нина заметила на стене свежую полосу светлой краски — узкий прямоугольник, будто недавно сняли табличку.

— Что здесь было написано?

— Что здесь нельзя курить.

— А ты куришь?

— Уже нет.

Ольга двинулась обратно. Нина осталась возле вентиляции. За решёткой слышалось едва уловимое дребезжание, словно издали ехал поезд. Потом — два коротких удара.

Не три. Два.

Нина замерла.

— Это отопление, — сказала Ольга у неё за спиной.

— Ты даже не обернулась.

— Потому что слышу это восемь месяцев.

— Два удара?

Ольга подняла на неё глаза.

— Какие два?

Нина не ответила. Они стояли друг против друга, пока на кухне не зазвонил стационарный телефон. Настоящий, старомодный, с длинным спиральным проводом. До этого Нина принимала его за мёртвый предмет, оставленный вместе с мебелью.

Ольга поспешила к аппарату. Сняла трубку после второго звонка.

— Да. Да, я слышу. Нет, она со мной. — Пауза. — Поняла.

Она положила трубку и не сразу повернулась.

— Он сказал, что сегодня ты будешь работать.

— На кого?

— На себя. Именно так он выразился.

Через полчаса в кабинете, куда раньше Нину не пускали, обнаружился стол с лампой и стопка белых конвертов. Мужчина сидел напротив, сняв куртку и засучив рукава рубашки. На столе лежала коробка со старыми семейными фотографиями. Люди на них улыбались, стояли на фоне памятников, обнимали детей. Нина не успела рассмотреть ни одного лица.

— Ты работаешь с печатью, — сказал мужчина. — Я хочу воспользоваться твоей профессиональной внимательностью.

— Я работаю с заказами. Не с чужими фотографиями.

— Выбираешь бумагу, проверяешь макеты, сверяешь подписи. Для тебя несложно отличить подлинный документ от плохо сделанной копии.

Он протянул два листа. На обоих была одинаковая фраза: «Я приняла решение остаться добровольно». Один лист выглядел новым, другой был слегка пожелтевшим.

— Какой из них напечатан раньше?

— Зачем вам это?

— Прошу, без лишних вопросов. Просто взгляни.

Нина пригляделась. На первом листе точка после предложения стояла чуть выше строки; во втором текст был напечатан ровнее, но буква «р» имела заметный изъём.

— Похоже, на одном принтере, — сказала она. — Только, возможно, в разное время. Бумага не доказывает дату.

Мужчина улыбнулся. У него была неприятная привычка радоваться не ответу, а самому факту, что человек согласился участвовать.

— Верно. Именно это я и хотел услышать.

— Чьи это заявления?

— Не твоё дело.

— Тогда зачем спрашивать меня?

Мужчина сложил листы один к другому, выровнял края большим пальцем.

— Ты уже ответила.

Нина почувствовала, как холодеет спина. Ей стало ясно, что проверяли не бумагу. Проверяли, сможет ли она когда-нибудь стать полезной, а затем использовать её собственную работу против неё.

Он открыл ящик и достал школьную тетрадь — не ту, что лежала в кухне. На этой были нарисованы маленькие синие ромашки.

— Сегодня напишем, что ты добровольно помогла мне с бумагами.

— Я не помогала. Вы принесли их и спросили.

— Но ведь помогла.

— Нет.

Он положил ручку перед ней.

— У вас с Ольгой есть обед. Я не хотел бы менять распорядок.

Нина впервые поняла, зачем он всегда говорил о еде прежде, чем о наказании. Голод был достаточно мелкой бедой, чтобы со стороны её уступка казалась нелепой. И достаточно настоящей, чтобы изнутри всё выглядело иначе.

Она написала: «Мне показали два листа. Я сказала, что по бумаге нельзя установить дату печати».

Мужчина прочитал, не касаясь тетради.

— Здесь нет слова «добровольно».

— Потому что меня заставили.

— Ты можешь вырвать лист.

Нина взяла тетрадь обеими руками. Секунду думала, не разорвать ли её целиком. Потом увидела на внутренней стороне обложки собственное имя. Тетрадь приготовили заранее, ещё до того, как она согласилась написать первую строчку.

— Я оставлю как есть, — сказала она.

Мужчина забрал тетрадь.

— Ты начинаешь искать разумные компромиссы.

Когда Нина вернулась на кухню, обед действительно стоял на плите. Ольга молча положила ей тарелку. Они ели картофельный суп, стараясь не смотреть друг на друга.

— В кабинете есть телефон? — спросила Нина.

— Нет.

— В кухне есть.

— На нём нельзя набрать номер. Только принять звонок. И то не каждый.

— Ты пробовала?

— Конечно.

— Ты вообще пыталась когда-нибудь выбраться?

Ольга отложила ложку и задрала штанину до колена. На голени тянулся широкий белесый рубец, неровный, с маленькими углублениями по краям.

— Это я получила не за попытку побега, — сказала она. — Это произошло, когда я пыталась помочь тому, кто убегал. Разница есть, хотя выглядит одинаково.

— Кому ты помогала?

Ольга натянула брюки.

— Человеку, которого здесь больше нет.

Нина хотела уточнить, означает ли это смерть или свободу. Но впервые за всё время промолчала.

Вечером их двери закрыли раньше обычного. Перед этим Ольга принесла Нине постельное бельё и попросила сменить наволочку. Нина нашла свой лист с письмом Кате на месте, но расправила его и заметила на сгибе жирное пятно. Она не ела в спальне. Письмо кто-то трогал.

Под утро три удара снова прозвучали в глубине дома. Нина ждала паузу, потом ответила двумя ударами по трубе батареи.

За стеной долго было тихо.

Затем она услышала не стук, а человеческий вздох. Совсем близко — словно кто-то стоял по другую сторону тонкой перегородки и боялся пошевелиться.

Нина прижалась ухом к обоям.

— Кто ты? — прошептала она.

Ей показалось, что за стеной начали произносить слово, но звук оборвался на первом слоге. Где-то внизу хлопнула дверь, загудела вода в трубах.

Когда всё стихло, Нина обнаружила на штукатурке маленькую трещину. Ещё вчера её не было. Или она просто не замечала.

Краешком карандаша Нина провела по трещине и услышала, как с другой стороны кто-то осторожно поскрёб по тому же месту.

Она убрала руку.

Теперь между ними не было сомнений: по ту сторону стены кто-то находился. Живой человек, который услышал её и ответил.

ГЛАВА 4. ПИСЬМО ДЛЯ КАТИ

Во вторник мужчина принёс Нине фотографию сестры.

Снимок был сделан возле магазина. Катя стояла боком, в расстёгнутой короткой куртке, прижимая телефон к уху. В другой руке у неё был пакет с апельсинами. Катя всегда покупала апельсины по три килограмма, хотя потом половину приходилось раздавать. На снимке она выглядела уставшей, но совершенно живой и привычной — даже прядь волос торчала у виска точно так, как прежде.

Нина взяла фотографию двумя руками. Обратила внимание на свежий плакат в витрине, на мокрые листья под ногами, на дату, отпечатанную в углу: 19.10.2026.

— Когда вы это сделали?

— Вчера.

— Вы следите за ней?

— За тем, чтобы она была в порядке.

Нина резко подняла голову.

— Не смейте к ней подходить.

— Зачем ты начинаешь с угроз? Я показываю тебе, что с ней всё хорошо.

— Верните мне телефон. Я скажу ей, что жива.

— Ты уже получила возможность написать.

— Вы не отправили письмо.

— Ты его не закончила.

Мужчина сел за стол. Это была кухня, знакомая до каждой трещинки, но сегодня он принёс с собой чёрную папку, и от этого комната сразу превратилась в кабинет для допроса.

— Я предлагаю тебе простую сделку, — сказал он. — Ты напишешь сестре несколько строк. Я отправлю их. Если она перестанет делать то, чего делать не следует, мы перестанем тратить время на неприятные разговоры.

— Что она делает?

— Ищет тебя.

Нина посмотрела на фотографию и едва удержалась от слёз. Катя искала. Катя не поверила тому, что Нина могла просто уехать, оставив кота и не предупредив никого. Самая обычная человеческая верность внезапно показалась Нине подвигом.

— Пусть ищет.

Мужчина подвинул папку ближе. Под прозрачным файлом лежала копия заявления с печатью. Несколько строк были закрыты чёрными полосами. Нина увидела свою фамилию, дату исчезновения и словосочетание «без вести пропавшая».

— Мне трудно понять, почему ты хочешь заставить её страдать, — сказал он. — Одно письмо могло бы помочь.

Она села, открыла тетрадь, которую он дал. На этот раз писать разрешалось только на отдельном листе, а тетрадь лежала рядом для «записи о решении».

— Я скажу ей, что жива, — произнесла Нина. — И больше ничего.

— Хорошее начало.

«Катя, я жива», — написала она. Подумала. Добавила: «Я помню наш разговор про торшер. Кота не оставляй у соседей, он там боится».

Мужчина взглянул на строчки.

— Зачем торшер?

— Она поймёт.

— Что именно?

— Что это написала я.

Он не стал спорить. Только попросил дописать фразу о том, что с Ниной не случилось ничего плохого.

— Со мной случилось плохое, — сказала она.

— Хорошо. Тогда не будем употреблять эту формулировку.

Он выждал, пока она добавит: «Пока я не могу вернуться». Чужая фраза выглядела особенно мерзко рядом с личными словами о коте. Нина поставила точку и не подписалась.

— Подпись, пожалуйста.

Она расписалась фамилией, которой пользовалась на работе. Быстро, с привычной петлёй у последней буквы. Затем протянула письмо.

— Я хочу посмотреть, как вы его отправите.

— Это невозможно.

— Тогда я не дам.

Он протянул руку, но Нина прижала лист к груди. На секунду обоим пришлось признать, что бумага принадлежит тому, кто её держит.

— Ты можешь оставить его у себя, — сказал мужчина. — И лишить сестру единственной новости. Это будет твой выбор.

Она медленно опустила лист на стол.

— Вы ведь всё равно отправите то, что захотите.

Мужчина не ответил. Сложил бумагу пополам, убрал в конверт и заклеил его длинным движением пальца. Нина успела заметить, что на конверте уже был напечатан адрес. Улица и дом принадлежали Кате. Значит, подготовили всё заранее, ещё до того, как Нина согласилась писать.

Вторая часть разговора оказалась хуже. Мужчина достал новый лист и попросил описать вчерашнюю работу в кабинете. Нина пересказала почти дословно, как сравнивала бумагу. Мужчина предложил заменить «мне показали» на «я рассмотрела».

— Какая разница?

— Большая. Первое выражение делает тебя предметом действий, второе — действующим лицом.

— Вы специально так говорите?

— Как?

— Как будто можете переписать события, если найдёте подходящие слова.

Мужчина задумался. На мгновение Нина увидела перед собой человека, который когда-то, возможно, занимался чем-то совершенно другим, может быть, преподавал, руководил отделом, писал инструкции. Затем он посмотрел ей в глаза.

— События переписываются сами, Нина. Люди меняют воспоминания. Я лишь прошу точности.

Он оставил её за столом с ручкой, а сам вышел говорить по телефону в кабинете. Дверь была прикрыта не полностью. Нина услышала только два слова: «Пока рано» — и другое, произнесённое уже тише: «Подпись».

Вечером Ольга проверяла окна. Не так, как Нина в первый день, а осторожно, словно проверяла замки, которые знала наизусть.

— Я написала Кате, — сказала Нина.

Ольга остановилась, но не повернулась.

— Что написала?

— Что жива. Про кота. Про торшер.

— Он попросил подтвердить, что ты остаёшься по своей воле?

— Нет. Я сказала, что пока не могу вернуться.

Ольга провела ногтем по щели между рамой и стеной.

— Это почти то же самое для человека, который знает, зачем нужны такие письма.

— Ты уже отправляла?

— Писала. Пять раз. Отправил ли он — не знаю.

— Тамара тоже?

— Тамара перестала писать три года назад.

— Почему?

— Потому что получила ответ.

Нина почувствовала укол надежды.

— От кого?

Ольга подняла взгляд на стекло. В отражении её лицо казалось старше лет на двадцать.

— Это и было самое страшное. Она не могла понять от кого.

Позже Нина всё-таки спросила, что находится за латунной дверью на лестничной площадке. Ольга ответила не сразу.

— Там действительно есть комната. Не надо придавать дверям мистический смысл.

— Почему никто туда не входит?

— Входит.

— Кто?

Ольга быстро посмотрела в сторону коридора.

— Нина, ты ведь умеешь читать договоры?

— Я умею читать.

— Тогда запомни одну вещь. Если тебе предлагают выбор из двух плохих вариантов, ты не обязана выбирать ни один. Даже если тебе кажется, что выбора не избежать.

— Ты говоришь это так, будто уже поздно.

— Поздно бывает гораздо раньше, чем человек это понимает.

Нина хотела удержать её, но Ольга ушла на второй этаж, оставив на столе чашку. На дне было немного чая, на поверхности плавала чайная плёнка. Нина представила, как кто-нибудь нечаянно роняет чашку, и все три женщины одновременно оборачиваются к двери, ожидая наказания. Просто дом постепенно наполнялся событиями, которые хотелось предугадать, чтобы не оказаться застигнутой врасплох.

Ночью она впервые попробовала разговаривать со стеной не словами.

— Один стук — да, два — нет, — прошептала Нина. — Ты меня слышишь?

Она постучала три раза и ждала. Из-за штукатурки донёсся один короткий удар.

— Ты женщина?

Один удар.

— Ты здесь против воли?

Долго не было ответа. Потом — два.

Нина положила ладонь на стену.

— Значит, можешь выйти?

Снова два.

Она отняла руку и долго сидела с карандашом в пальцах, пока не заметила простую вещь: отрицательный ответ на первый вопрос не означал, что человека держат добровольно. Но и положительного ответа у неё не было.

Перед рассветом кто-то тихо постучал в дверь её спальни. Трижды. Нина не ответила.

Снаружи раздался женский голос, почти неслышный:

— Ты должна перестать задавать вопросы вслух.

— Кто ты?

— Научись сначала слушать.

Нина распахнула ладонь на деревянной поверхности двери, будто могла удержать незнакомку одним прикосновением.

— Как тебя зовут?

Ответ пришёл после долгой паузы:

— Не говори ему, что мы разговаривали.

На этот раз шаги были настоящими. Медленными, осторожными. Нина ясно услышала, как человек удаляется вдоль коридора, открывает какую-то дверь и закрывает её — не хлопком, а с характерным мягким щелчком старого замка.

Она сосчитала секунды до следующего звука. Ровно двадцать семь. Потом внизу зашумела вода.

Из всего, что она узнала за четыре дня, эти двадцать семь секунд показались самым полезным сведением.

ГЛАВА 5. ТРИ ДНЯ ТИШИНЫ

Тамара вернулась в среду после обеда.

Нина услышала колёсики чемодана ещё до того, как открылась входная дверь. Они прыгали по гравию с характерным сухим стуком. Затем что-то тяжёлое ударилось о порог, мужчина негромко выругался, и в прихожую вошли двое.

На Тамаре было тёмное пальто, которого Нина прежде не видела. Она держала чемодан за ручку, хотя тот катился на колёсах. Щёки у неё впали, под глазами лежали тени. С первого взгляда Нина не заметила ни крови, ни синяков, ни того драматического следа насилия, который подсознательно ожидала увидеть. И именно это обмануло её: человек, только что возвращённый из неизвестного места, выглядел так, будто провёл три дня у нелюбимых родственников и теперь стыдится собственной усталости.

— Как вы? — спросила Нина.

Тамара подняла взгляд.

— Нормально.

Мужчина поставил чемодан у лестницы.

— Тамара заслужила отдых. Прошу вас не мучить её расспросами.

— Я не мучаю.

— Конечно. Ты просто заботишься.

Он повесил пальто на крючок. На манжете осталась свежая тёмная полоска, похожая на след машинного масла. Нина никогда не видела мужчину таким неопрятным. Ольга взяла у Тамары чемодан и подняла наверх, не предложив помощи. На третьей ступеньке из чемодана послышался негромкий звон стекла.

— Сегодня ужин приготавливаю я, — сказал мужчина. — А вы отдыхайте.

Нина почти улыбнулась. Ей представилось, как он суетится у плиты, пытаясь доказать, что существует правильный способ держать людей в плену и при этом не забывать о домашнем уюте. Но когда мужчина взглянул на неё, улыбка исчезла.

— Что-нибудь смешное?

— Нет.

— Это хорошо. У нас трудная неделя.

Он ушёл в кабинет, и впервые за три дня у Нины появилось ощущение, что взрослый человек может объяснить происходящее. Она подошла к Тамаре.

— В той пристройке ты была одна?

Тамара поднесла палец к губам. Не резко и не угрожающе — почти с материнской нежностью. От этого стало невыносимо.

— Я хотела принести тебе воду, — прошептала Нина. — Он сказал, что можно, если ты захочешь. Ольга не пустила меня к пристройке. Почему?

— Потому что я бы не открыла.

— Дверь была заперта?

— Да.

— А ты говоришь, что не открыла бы.

Тамара устало закрыла глаза.

— Иногда дверь заперта не с той стороны, с какой кажется.

— Что это значит?

— Я не могу сейчас.

Нина хотела возразить, но увидела, что Тамара едва держится на ногах. Они поднялись на второй этаж. Перед дверью своей комнаты Тамара вдруг остановилась, заглянула в комнату Нины и спросила:

— Ты меняла наволочку?

— Да.

— И куда положила старую?

— В корзину. А что?

Тамара побледнела.

— Пожалуйста, больше не прячь ничего в постель. Особенно бумагу.

— Откуда ты знаешь про бумагу?

— Здесь проверяют бельё.

— Я думала, ты была в пристройке.

— Я и была.

Нина почувствовала, что разговор дошёл до места, где оба ответа опасны.

— Ты знаешь, кто стучит из-за стены?

Тамара закрыла дверь своей комнаты, оставив их вдвоём в коридоре.

— Что именно ты слышала?

— Кто-то отвечает на вопросы. Один удар — да, два — нет. Женщина.

Лицо Тамары изменилось так, будто Нина сказала ей о чём-то не ужасном, а долгожданном. Она схватила Нину за локоть.

— Ты слышала голос?

— Один раз. Совсем тихо.

— Какие слова?

— Что я должна сначала научиться слушать. И чтобы ему не говорила.

Тамара отпустила руку. На губах выступили капельки пота.

— Хорошо. Это хорошо.

— Почему?

— Потому что у неё ещё есть силы.

— У кого?

В конце коридора скрипнула половица. Тамара тут же отвернулась и пошла в комнату. Нина увидела внизу у лестницы мужчину, который стоял так тихо, словно был там уже давно.

— Кажется, вы нашли общий язык, — сказал он.

— Тамара устала, — ответила Нина.

— Я вижу.

Он не спросил, о чём они говорили. Это было хуже любого вопроса: Нина не знала, слышал ли он их, и не могла выстроить даже простую защитную ложь.

На ужин были макароны с мясом. Мужчина разложил порции, затем достал из холодильника небольшой торт с белым кремом. На картонной подложке было написано «С днём рождения!». Надпись частично соскребли ножом, но слова ещё читались.

— У кого день рождения? — спросила Нина.

— Сегодня никакого праздника, — ответил он. — В кондитерской осталось несколько несвежих тортов. Я взял один со скидкой.

Он нарезал его на четыре куска. Тамара отказалась. Ольга взяла тарелку и сразу отодвинула.

— Не любите сладкое? — сказал мужчина. — А раньше любили.

— Сейчас не хочу, — отозвалась Ольга.

— Странное дело. Человек может перестать любить то, чему радовался прежде. Но это не значит, что всё вокруг изменилось.

Нина не стала спорить про скидку. Мужчина разрезал торт маленьким столовым ножом с тупым концом. Закончив, сразу убрал нож в карман. За тем, куда исчезает лезвие, она проследила внимательнее, чем за тарелкой перед собой.

После ужина Ольга вызвалась убрать кухню. Тамара поднялась наверх. Нина потянулась к её нетронутому куску, но Ольга остановила её за запястье.

— Не надо.

— Почему? Он ведь принёс из магазина.

— Я не сказала, что он отравлен. Просто не ешь.

— Ты можешь хоть раз объяснить нормально?

Ольга посмотрела на лестницу.

— Он завтра спросит её, почему не ела. Скажешь, что доела за неё, — значит, она сама не могла решить.

— Я просто голодная.

— Возьми мой. Он видел, что я отодвинула.

Нина поменяла тарелки. Крем был слишком сладким, на языке оставалось неприятное масло. Она съела половину и поставила остальное в холодильник. Тамарин кусок Ольга накрыла отдельно.

Поздно вечером Нина услышала из коридора фортепиано. Тамара играла не мелодию, а всего несколько звуков, неровно и осторожно. Пианино стояло внизу, и звук снизу был бы глухим. Но сейчас музыка шла как будто из-за стены.

Нина вышла из спальни: дверь ещё не заперли. В коридоре никого не было. Она прошла к комнате Тамары и постучала. Та не ответила. Музыка остановилась.

У латунной двери на площадке Нина задержалась. За ней слышалось слабое шуршание.

— Тамара?

Шорох оборвался.

Нина потянулась к ручке. За спиной раздалось:

— Не надо.

Тамара стояла у двери собственной комнаты. На ней были домашние тапочки, одна рука лежала на косяке, словно она не доверяла полу.

— Я слышала музыку, — сказала Нина.

— Трубы передают звук.

— Ты же сейчас не играешь.

— Я не говорила, что это играю я.

Нина медленно опустила руку.

Тамара подошла ближе, взяла Нину под локоть и почти силой отвела от латунной двери. Но прежде чем они разошлись, она шепнула:

— Три коротких и один длинный. Запомни. Только когда будет совсем нужно.

— Что это?

— Не спрашивай сейчас. Повтори.

— Три коротких и один длинный.

Тамара кивнула. Потом громко, на весь коридор, сказала:

— Теперь ложись. Утром поговорим.

В комнате Нина повторяла ритм пальцами по одеялу, пока не уснула. Перед сном ей пришла мысль, от которой стало стыдно: Тамара вернулась, и вместе с ней в доме снова появилась надежда. Как будто всё, что происходило с этой женщиной три дня, имело значение только потому, что теперь Нине было чуть менее страшно.

ГЛАВА 6. ЧУЖОЙ АЛЬБОМ

В четверг мужчина объявил день фотографий.

Это прозвучало за завтраком, между замечанием о погоде и просьбой купить новую соль.

Нина сначала решила, что ослышалась.

— Каких фотографий?

— Обычных. Для памяти.

— Для чьей?

Мужчина улыбнулся.

— Для общей. Удивительно, как быстро люди забывают лица. Особенно если долго не видят друг друга.

Нина смотрела, как он расставляет чашки. На мужчине была бледно-голубая рубашка; волосы он аккуратно пригладил. На краю стола лежал фотоаппарат, не телефон — тяжёлая чёрная камера с ремнём, у которой Нина заметила потертость возле кнопки спуска.

— Я не буду сниматься.

— Можешь отказаться. Только тогда я попрошу остальных решить, нужна ли фотография без тебя.

Тамара замерла. Ольга продолжала жевать, не поднимая глаз.

— Вы всё превращаете в голосование, — сказала Нина.

— Не всегда. Иногда достаточно согласия.

— Чьего?

Он посмотрел на Тамару:

— Сегодня мы договорились об одной фотографии. Правда?

Тамара произнесла «да» едва слышно.

Нине захотелось схватить фотоаппарат и разбить об пол. Она представила, как мужчина заставит всех собирать осколки, а потом запишет в тетрадь, что каждая добровольно помогла навести порядок.

В гостиной они поставили стулья у окна. Мужчина попросил Тамару сесть в середине, Ольгу справа, Нину слева. Сначала Нина не понимала, почему её раздражает именно эта расстановка. Потом заметила: так выглядят официальные снимки, на которых за людьми не видна дверь. За спинами была светлая занавеска, на полу лежал чистый ковёр, в вазе стояли две увядшие веточки рябины.

— Улыбаться не обязательно, — сказал мужчина. — Просто посмотрите в объектив.

Ольга молчала. Тамара положила ладони на колени. Нина скрестила руки на груди.

— Не надо закрываться, — попросил он.

— Я закрываюсь, потому что меня держат взаперти.

— У нас сегодня хороший день. Не порть его.

Нина разжала руки. Он нажал на кнопку, раздался сухой щелчок.

— Ещё раз. Тамара, голову чуть выше.

Он сделал четыре снимка и объявил перерыв. Женщины не сдвинулись с мест, будто им и для этого требовалось разрешение.

— Знаете, что мне напоминает эта фотография? — спросила Ольга.

Мужчина опустил камеру.

— Что?

— Семью, которую попросили изобразить семью.

Он посмотрел на неё слишком долго.

— Тебе стоит выбирать выражения аккуратнее.

— Я выбираю.

— Тогда мы закончили. Спасибо всем.

Когда он вышел, Ольга вдруг засмеялась. Смех был коротким, почти беззвучным. Нина впервые увидела, как она смеётся, и испугалась сильнее, чем во время утренней съёмки.

— Зачем ты это сказала?

— Потому что это правда.

— Ты понимаешь, что из-за этого будет?

— А ты уже начала говорить его словами.

Ольга оставила обеих в гостиной. Тамара всё ещё сидела посреди дивана, глядя на место, где стоял мужчина.

— Он снимал вас раньше? — спросила Нина.

— Да.

— Для кого?

— Сначала я думала, что он хранит фотографии, чтобы помнить нас. Потом увидела те, которые он выбросил.

— Что на них было?

— Те же люди. Но никто не смотрел в камеру. Кто-то плакал, кто-то прятал лицо. Он оставлял только удачные.

— Их много?

Тамара оглядела гостиную.

— Больше, чем должно быть.

Через некоторое время мужчина попросил Нину отнести в кабинет стакан воды. Камеры уже не было на столе. Зато рядом с лампой лежал раскрытый альбом, и на первой странице Нина увидела изображение той же гостиной. Снимок был сделан с точно такой же точки. Только занавеска была другой, мебель стояла иначе, а за столом находились четыре женщины.

Не три. Четыре.

Нина остановилась на пороге.

— Вода, — сказал мужчина, не поднимая головы.

Она поставила стакан. Взглянула ещё раз.

На фотографии Тамара выглядела моложе. Волосы темнее, лицо полнее, улыбка почти настоящая. Рядом сидели три незнакомые женщины. Одна держала ладонь на столе так, будто хотела дотянуться до Тамары, но камера застала руку на полпути.

— Когда это снято?

Мужчина посмотрел на альбом, словно только что вспомнил о нём.

— Давно.

— У вас были другие женщины.

— Люди приходят и уходят.

— Куда уходят?

— По-разному.

Нина заметила уголок бумажной подписи под снимком: «ноябрь 2021». Значит, Тамара действительно была здесь несколько лет назад, а остальные женщины за это время сменились.

— Они живы?

Мужчина закрыл альбом.

— Удивительно, что ты спрашиваешь об этом только сейчас.

— Ответьте.

— Я не обязан рассказывать тебе чужие истории.

Он взял стакан, сделал глоток. Нина вдруг увидела в альбоме не просто память, а каталог. Кто-то годами фиксировал здесь людей в одних и тех же позах, как предметы на складе. И каждый раз убеждал их смотреть в объектив.

— Вы их отпускали?

— Иногда человек сам уходит, когда понимает, что ему нечего здесь делать.

— Как это возможно, если окна закрыты?

Он убрал альбом в ящик. Нина смотрела, пока не щёлкнул замок: ни одного снимка он не оставил снаружи.

В тот же вечер она попросила Тамару рассказать о женщине с фотографии.

— Какая у неё была фамилия? — спросила Нина. — Та, что сидела слева от тебя.

Тамара складывала выстиранные полотенца. На вопрос она не сразу подняла голову.

— Я не помню, кто где сидел.

— Ты была в центре. Рядом с тобой три женщины. Ноябрь две тысячи двадцать первого.

Руки Тамары остановились.

— Ты видела альбом?

— На столе.

— Он сам показал?

— Оставил раскрытым.

Тамара положила полотенце.

— Нина, слушай внимательно. Если он ещё раз оставит что-нибудь раскрытым, не считай это случайностью.

— Ты думаешь, он проверял меня?

— Думаю, он редко делает что-либо просто так.

— Что случилось с этими женщинами?

Тамара смотрела на свои руки.

— Одну увезли ночью. Одна ушла сама.

— Сама?

— Так мне сказали.

— А третья?

Тамара медленно повернулась к окну. Во дворе на ветке сидела серая птица. Она поправляла мокрые перья и не улетаала.

— Третья однажды перестала выходить к завтраку.

— Умерла?

— Я не знаю.

— Как можно не знать?

— Очень просто. Тебе говорят, что она уехала. Ты спрашиваешь, куда. Тебя оставляют без еды. Ты спрашиваешь ещё раз. Из соседней комнаты начинают доноситься крики. Ты перестаёшь спрашивать. Через месяц тебе показывают письмо, в котором она сообщает, что всё хорошо. И ты живёшь дальше, потому что больше не можешь сделать ничего.

Тамара произнесла это ровно, почти без выражения. Потом вдруг прижала к лицу полотенце и долго стояла неподвижно.

Нина сделала шаг к ней, но остановилась. Обнимать человека, о котором почти ничего не знаешь, тоже было вторжением.

— Как её звали? — мягко спросила она.

— Вера.

Имя прозвучало впервые. Простое, живое имя, которое можно было написать на конверте, произнести в полиции, повторить, когда собственный страх начинал вытеснять чужую память.

— Сколько ей было лет?

— Тридцать два. Когда её привезли.

— А сейчас?

Тамара опустила полотенце.

— Не знаю, Нина. Я ведь не знаю, жива ли она.

Позже, перед вечерней проверкой, Нина вернулась к стене в своей спальне. Она коснулась карандашом трещины и негромко постучала трижды.

С другой стороны последовал один короткий удар.

— Ты знаешь Веру? — прошептала Нина.

Ответа не было так долго, что она решила: связь прервалась.

Потом из-за стены раздались три коротких звука, пауза — и один длинный скрежет. Тот самый ритм, которому научила её Тамара.

Нина замерла.

Она поняла, что задала не тот вопрос. Женщина за стеной не сказала, знает ли Веру. Она передала знак, который, по словам Тамары, следовало использовать только в крайнем случае.

Через несколько секунд кто-то медленно повернул ключ в замке Нининой двери.

Мужчина вошёл без стука.

— С кем ты разговариваешь? — спросил он.

ГЛАВА 7. ЦЕНА ТИШИНЫ

— С самой собой, — ответила Нина.

Мужчина остался стоять у двери. На нём были домашние брюки и свитер с вытянутыми рукавами, в руках — маленький фонарик. Вечерняя проверка обычно начиналась позже. Нина успела заметить, что он смотрит не на неё, а на стену у кровати.

— О чём же?

— О том, что я здесь делаю.

— И что решила?

— Пока ничего.

Он прошёл к батарее, посветил вдоль трубы, поднёс ладонь к нижнему соединению.

— В этом доме плохая звукоизоляция. Иногда кажется, что рядом кто-то разговаривает, хотя это вода проходит по старым трубам. Тамара когда-то очень боялась этих звуков.

— А теперь?

— Привыкла.

Он снова посмотрел на стену. Нина поняла, что должна перестать следить за его взглядом. Она села на кровать и демонстративно взяла книгу с тумбочки — потрёпанный детектив без передней обложки.

— Что-то случилось с отоплением? — спросила она.

— Проверяю на всякий случай.

Мужчина подошёл ближе. Нина успела закрыть книгу, чтобы карандаш, лежавший между страницами, не выпал. Он это заметил, но ничего не сказал.

— Завтра утром, — произнёс он, — мы обсудим ваше письмо. Сестра, вероятно, уже получила его.

— Вы отправили?

— Я обещал.

— Я хочу увидеть ответ.

— Если ответ будет, увидишь.

Он выключил фонарик.

— А сегодня я хотел бы попросить тебя об одном. Если ночью услышишь какие-либо звуки, не пытайся на них отвечать. В старом доме невозможно отличить обычную неисправность от чего-то серьёзного. Лучше сообщи утром.

Нина почувствовала, что разговор закончился не потому, что мужчина удовлетворился её ответом. Он просто обозначил границу, за которой начнётся наказание.

— Я поняла.

— Хорошо. Спокойной ночи.

Он закрыл дверь. Через секунду щёлкнул замок.

Нина лежала без движения почти час. С одной стороны стены кто-то молчал, с другой — стоял коридор. Ей казалось, что в доме появилась четвёртая разновидность тишины: та, которую создают люди, прислушивающиеся друг к другу.

Утром пятницы Нина решила не ждать милости.

Она вспомнила все листы, которые ей показывали, и обнаружила общую деталь. Мужчина никогда не требовал просто написать заявление. Он добивался, чтобы каждое действие сначала произошло, потом было названо добровольным, а затем зафиксировано чужой подписью. То есть ему была нужна не столько ложь, сколько след, которым эту ложь можно подтвердить.

В типографии Нина видела клиентов, пытавшихся задним числом исправить согласованный макет. Их выдавало одно и то же: исправления всегда оставляли следы. Новый файл

отличался датой создания, очередной вариант — межстрочным интервалом, распечатка — на несколько миллиметров съехавшим полем. Иногда Нине казалось, что бумага помнит больше, чем люди.

Значит, следы можно не только читать, но и оставлять.

Она дождалась, пока Ольга уйдёт с бельём, и перевернула тетрадь на кухонном буфете. На последней странице было написано: «Я добровольно помогла убрать стол после ужина». Подпись Ольги. Чуть ниже — дата.

Нина вынула из ящика столовых приборов металлическую вилку и едва заметно продавила на нижнем крае страницы буквы: НО. Потом точку и две цифры — 17. Если бы кто-нибудь позже пытался собрать тетради как документы, на бумаге остался бы след, который нельзя было увидеть, просто читая текст.

Работа заняла несколько секунд. В тот момент, когда она возвращала вилку на место, в кухню вошла Ольга.

— Что ты делаешь?

— Ничего.

Ольга посмотрела на раскрытую тетрадь. Присела, провела по странице пальцем, затем подняла глаза.

— Больше никогда так не делай, когда он может вернуться.

— Ты заметила?

— Конечно.

— Он может не заметить.

— Он замечает вещи, которые хочет заметить.

Нина закрыла тетрадь.

— Мне надо оставить доказательства. Если мы выберемся, он скажет, что мы жили здесь по своей воле.

Ольга села.

— Я знаю.

— Тогда почему ты мешаешь?

— Я не мешаю. Я хочу, чтобы ты дожила до того дня, когда они кому-нибудь понадобятся.

Нина услышала в её голосе не привычное раздражение, а усталость человека, который давно проиграл спор с самой собой.

— Чей шрам у тебя на ноге? — спросила она.

— Мой.

— Ты говорила, что помогала человеку убежать.

— Да.

— Кто это был?

Ольга посмотрела на дверь.

— Девушка по имени Лена. Она пришла сюда за четыре месяца до меня.

— Значит, была здесь, когда тебя привезли?

— Да.

— И убежала?

— Я не знаю. В тот вечер мы добрались до старого сарая за оградой. Там была дыра в сетке. Она пролезла первой. Я застряла. Потом включился свет на крыльце, он вышел на улицу, и я побежала обратно. Ветки распорили мне ногу. Ветер шумел так сильно, что я не слышала, что происходило с Леной. Утром он сказал, что она добралась до дороги.

— Ты ему поверила?

Ольга долго молчала.

— Мне было нужно верить. Иначе получалось, что я оставила её одну, хотя могла попробовать ещё раз.

— Ты могла погибнуть.

— Это очень удобный ответ, Нина. Я говорила его себе много ночей.

Ольга поднесла руки к лицу, прижала ладони к глазам. Когда убрала, её взгляд стал совсем сухим.

— Я не знаю, кто жив, кто нет. И в этом его главное преимущество. Он никогда не сообщает достаточно, чтобы мы могли простить себя или окончательно возненавидеть себя. Всегда остаётся «возможно».

— Но на фотографии были другие женщины. Тамара сказала про Веру.

При этом имени Ольга вздрогнула.

— Она назвала тебе Веру?

— Да.

— И что ещё?

— Что та перестала выходить к завтраку.

Ольга отвернулась.

— Тогда на этом остановись.

— Ты её знала?

— Нет. Когда я пришла, Веры уже не было.

— Откуда тебе известно её имя?

— Потому что Тамара иногда произносит его во сне.

Нина хотела спросить о голосе за стеной, но услышала шаги мужчины. Ольга мгновенно выпрямилась, взяла полотенце и стала вытирать сухой стол.

— Добрый день, — сказал мужчина, входя в кухню. — Как хорошо, что вы вместе.

Он поставил на стол пакет с продуктами. Среди банок и свёртков лежало письмо. Обычный белый конверт без марки, адресованный Нине печатными буквами.

Она узнала почерк сестры ещё до того, как вытащила лист: Катя всегда ставила очень крупные точки над «ё», а букву «д» писала с длинной петлёй вниз.

На бумаге было всего три строчки:

«Нина, я получила твоё письмо. Если всё правда, дай мне немного времени. С котом всё хорошо. Катя».

Нина перечитала их несколько раз. Каждое слово казалось настоящим. И именно поэтому письмо было страшнее любой очевидной подделки.

— Когда она написала? — спросила Нина.

— Вчера. Мне передали.

— Кто?

— Человек, который заинтересован в том, чтобы у вас всё закончилось благополучно.

— Я хочу с ней поговорить.

— Сейчас не время.

Нина задержала взгляд на букве «д» в слове «дай». Потом — на слове «котом». Почерк выглядел правильным. Но ответ не содержал ни единого намёка на торшер, о котором Катя обязательно спросила бы, если бы получила письмо целиком. Возможно, она просто не захотела упоминать его. Возможно, боялась, что сообщение читают посторонние. Нина не могла решить, какой из вариантов хуже.

— Она не знает, где я? — спросила Нина.

— Нет.

— А вы знаете, где она.

— Я понимаю твою тревогу. Поэтому и принёс ответ.

Он достал из пакета банку вишнёвого варенья и передал Тамаре, только что вошедшей в кухню.

— Сегодня у нас есть повод для хорошего настроения. Видишь, Нина, твои усилия приносят результат.

Тамара посмотрела на письмо. Её лицо помрачнело. Нина успела подумать, что старшая пленница узнаёт не почерк, а саму форму листа, слишком знакомую по многим годам.

Позже, когда они остались вдвоём, Тамара взяла у Нины письмо. Наклонила к окну, приглядываясь к краям.

— Ты узнаёшь бумагу? — спросила Нина.

— Нет.

— Ты получила такое же?

— Когда-то.

— И что с ним было не так?

Тамара перевернула письмо.

— Тебе не нужно искать ошибку в каждом слове. Нужно смотреть, чего там нет.

— Там нет торшера.

— И нет ничего, что произошло между вами с сестрой вчера. Он мог заранее узнать любые ваши привычки. Но не может заранее знать то, чего вы ещё не сделали.

Нина смотрела на собственную ладонь, в которой по-прежнему лежал карандаш.

— Откуда ты знаешь, что можно проверить?

— Потому что однажды я тоже проверила.

— И?

Тамара закатала рукав. На внутренней стороне предплечья у неё виднелся старый белый шрам, тонкий, как нитка.

— Я поняла, что письмо написал человек, который никогда не разговаривал с моей дочерью.

Имя дочери Тамара не назвала. Нина тоже не спросила. Тамара потёрла край рукава, хотя на нём не было ни пятна, ни нитки.

В тот день Нина не стала отвечать стуком. Она спрятала письмо между страницами детектива, а на свободной бумаге написала три слова: «Я помню иначе».

Затем перечеркнула «иначе». Вся эта история была устроена так, чтобы её воспоминания однажды перестали быть ей опорой.

Она написала заново: «Сегодня пятница, 23 октября. Меня держат против моей воли. Я помню это точно».

ГЛАВА 8. ОДНО СЛОВО

В субботу за окном выпал первый мокрый снег.

Он не держался на дорожке, таял на чёрных ветках и покрывал траву клочками грязной ваты. Дом стал казаться ещё более далёким от мира. Нина поняла, что постепенно перестаёт вслушиваться в звуки машин. Машин не было. Ни одной за семь дней, если не считать ту, в которой её привезли. Впервые её испугало не отсутствие дороги, а то, что она перестала о ней думать.

За завтраком мужчина предложил всем выбрать занятие до обеда. Тамара попросила поиграть на пианино. Он напомнил, что музыка разрешена по воскресеньям. Ольга сказала, что хочет постирать бельё. Нина попросила выйти во двор.

— В прошлый раз мы говорили об этом, — сказал мужчина.

— Я прошу ещё раз.

— Зачем?

— Хочу почувствовать холод. Вы говорите, что здесь можно просить.

Он посмотрел на окно. Тамара продолжала сидеть с опущенными глазами.

— Десять минут. Ольга пойдёт с тобой. Вы не приближаетесь к воротам.

Нина ожидала, что получит отказ, и потому не сразу нашла ответ.

— Хорошо.

— Скажи полнее, пожалуйста.

— Я согласна выйти на десять минут, — произнесла Нина, тщательно отделяя одно слово от другого.

Он кивнул, удовлетворённый формулировкой.

На крыльце ветер ударил ей в лицо так сильно, что она закрыла глаза. Воздух пах листвой, мокрой древесиной и дымом из трубы. За оградой стояли деревья. Их стволы были мокрыми, тёмными; на низких ветках дрожали последние листья.

Ольга держала руки в карманах куртки. Куртка была чужая, велика в плечах. Она остановилась на третьей ступеньке.

— Куда ты собираешься?

— Просто смотреть.

— Смотри отсюда.

Нина медленно спустилась. Под ботинками хрустел гравий. Вдоль дорожки тянулись кусты, за ними виднелась пристройка — низкое строение из серых блоков, с единственным узким окном под крышей. На двери висел новый замок. От порога к домику шла чёрная полоса земли, по которой, очевидно, часто ходили.

— Ты была там, когда Тамару увели? — спросила Нина.

— Нет.

— А ночью?

— Не начинай.

— Я хочу понять, что он делает с ней.

Ольга смотрела на пристройку.

— Не всё, что происходит в этой части двора, происходит с Тамарой.

Нина повернулась.

— Кто ещё там бывает?

Ольга сунула руки глубже в карманы.

— Ты же хотела почувствовать холод. Почувствуй. У тебя осталось семь минут.

Нина пошла по дорожке к яблоне. На земле лежали мелкие сморщенные яблоки, в грязи белела крышечка от пластиковой бутылки. Она машинально наклонилась, подняла крышечку

и сунула в карман. Это был первый предмет, который ей удалось взять в этом доме без разрешения.

— Верни, — тихо сказала Ольга.

— Это мусор.

— Именно.

Нина достала крышечку и показала ей.

— Из-за этой вещи будут проблемы?

Ольга не ответила. Она смотрела на верхнее окно дома. Нина проследила её взгляд и заметила, как за занавеской что-то шевельнулось.

В верхнем коридоре кто-то стоял и смотрел во двор. Мужчина сейчас находился в кухне, Тамара — в столовой. Нина узнала их силуэты, ещё когда выходила.

— Ты видишь? — прошептала она.

— Не смотри прямо.

— Это она?

Ольга схватила её за локоть и повела к крыльцу.

— Ты должна вернуться вовремя.

Нина не вырывалась. Но на середине дорожки из-за занавески показалась рука. Очень бледная, с длинными пальцами. Она поднялась к стеклу и замерла. Затем медленно опустилась.

Нина хотела закричать, но сдержалась. Из кухни выглянул мужчина с полотенцем в руке.

— Уже нагулялись?

— Замёрзли, — ответила Ольга.

— Вот и правильно. Простуда нам сейчас совсем ни к чему.

Нина прошла мимо него. Она так сильно сжимала кулак в кармане, что пластиковая крышечка оставила круглое углубление на ладони. Отдать её она не успела. И теперь не собиралась.

После обеда мужчина дал Тамаре пятнадцать минут у пианино — день раньше обычного, «в награду за хорошее поведение». Нина сидела у двери и слушала. Тамара играла старую медленную мелодию. Несколько нот звучали неправильно, но она продолжала, не останавливаясь. На пятой минуте мужчина выключил свет в столовой, хотя был день.

— Так удобнее слышать, — сказал он.

Тамара не ответила. Пальцы продолжали идти по клавишам.

В темноте Нина услышала тихий голос совсем рядом:

— Не позволяй ему забрать фотографию.

Она резко обернулась. Возле двери никого не было. Ольга сидела у окна, мужчина — в кресле. Голос шёл от стены, за которой находился узкий хозяйственный коридор.

— Какую фотографию? — прошептала Нина.

Голос повторил:

— Фотографию.

Это было одно слово, но Нина узнала интонацию той, кто приходил к её спальне. Голос был низкий, немного хриплый, и в нём слышалось странное усилие, словно человеку пришлось говорить сквозь боль.

Тамара внезапно сбилась. Ударил по двум соседним клавишам сразу, и мужчина в кресле поднял голову.

— Не останавливайся, — сказал он.

Она продолжила.

Нина смотрела в стену. Там не было ни двери, ни щели. Но человек мог находиться в соседнем помещении, отделённом от гостиной старой перегородкой. И впервые Нина начала думать не о том, кто прячется, а о том, кто и зачем оставляет ему возможность говорить через стены.

Вечером мужчина принёс снимок, сделанный в четверг. Трое женщин сидели у окна. Ольга смотрела на объектив с выражением полного отсутствия, Тамара — слегка в сторону, Нина — прямо в камеру. На снимке они действительно походили на гостей в загородном доме, которых попросили посидеть спокойно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.